

- 2nd ed. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 125-140.
14. Fasold R. The Sociolinguistics of Language. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press, 2000. – 347 p.
 15. Jiang Y. English as a Chinese language // *English Today* 74. – 2003. – Vol.19. – No.2. – P. 3-8.
 16. Kachru B.B. The pragmatics of non-native varieties of English // *English for Cross-cultural Communication* / Edited by L.Smith. London: McMillan, 1981 – P. 15-39.
 17. Kachru B.B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes. – Oxford a.o., 1986. – 200 p.
 18. Kachru B.B. Models for non-native Englishes // *The Other Tongue: English Across Cultures* / Ed. by B. Kachru – Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992 (1982). – P. 31-57.
 19. Kachru B.B. Englishization and contact linguistics // *World Englishes*. – 1994. – Vol. 13. – No. 2. – P. 135-154.
 20. Kachru B.B. & Nelson C. *World Englishes* // *Sociolinguistics and Language Teaching* / Ed. by Sandra Lee McKay, Nancy H. Hornberger. – Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1996 – 484 p.
 21. Kirkpatrick A. & Xu Z. C. Chinese pragmatic norms and 'China English' // *World Englishes*. – 2002. – Vol. 21. – No. 2. – P. 269-279.
 22. Pakir A. Standards and Codification for World Englishes // *World Englishes*. – 2000. – Vol. 14. – No. 2. – P.169-181.
 23. Platt J. T. and Weber H. *English in Singapore and Malaysia – Status, Features, Functions*. Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1980. – 320 p.
 24. Selinker L. *Interlanguage* // *Landmarks of American Language and Linguistics* / Ed. by D.Byrd, N.Bailey, M.Gillerman. Vol.2 – Washington: Social dialects and language learning. Edited by R.W. Shuy. – Champaign, 1965. – 220 p.
 25. Strevens P. The Localized Forms of English // *The Other Tongue: English across Cultures*. – 2nd ed. – Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 23-30.
 26. Yang J. Lexical innovations in China English // *World Englishes*. – 2005. – Vol.24. – No.4. – P. 425-436.
 27. Zhang A. L. China English and Chinese English // *English today* 52. – 1997. – Vol.13. – No.4. – P. 39-41.
 28. Zhang H. *Chinese Englishes: History, Contexts, and Texts*. – Urbana: University of Illinois at Urbana-Champaign Press, 2003. – 251 p.
 29. Zhou Z.P. & Feng W.C. The Two Faces of English in China: Englishization of Chinese and Nativization of English // *World Englishes*. – 1987. – Vol. 6. – No. 2. – Pp. 111-125. Office of English Language Programs, Bureau of Educational and Cultural Affairs, US Department of State, 1999. – P. 194-205.
 30. Smith L. E. *English for cross-cultural communication*. New York: St. Martin's Press, 1981. – 248 p.
 31. Stewart W. A. *Urban Negro speech: sociolinguistic factors affecting English teaching*.

В.А. Каменева

г. Кемерово

Факторы, влияющие на процесс интерпретации единиц идеологий в публицистическом дискурсе

The social and linguistic aspects of the representation of ideologies are viewed and analyzed in the article. The given theoretical statements indicate the credibility of the research of ideological units within the speech acts. It is claimed that the speech acts function as a sort of scheme that influences the interpretation of ideological units in the written discourse of the press.

Исходя из понимания процесса интерпретации сообщений как извлечения эксплицитной и имплицитной информации [Васильев, 1991: 29-40; Кобозева, Лауфер, 1994: 63-64], мы склоняемся к рассмотрению процесса трактовки полиреферентных идеологем и языковой репрезентации идеологии «традиции» и «новой формации» как извлечения эксплицитной и имплицитной информации из контекста репрезентации идеологем (социального и собственно лингвистического). Идеологема «традиции» рассматривается нами как единица, которая служит средством формирования, воспроизводства и апелляции к устоявшейся идеологии с четким распределением власти, прав и обязанностей социальных групп в рамках доминирования и подчинения. Языковое воплощение и репрезентацию она получает посредством отдельного слова и/или составного наименования (например, man, woman, black, white и т.д.). К идеологемам «новой формации» относим единицы, которые служат средством формирования, воспроизводства и апелляции к формирующейся идеологии, посредством которой социальные группы борются за перераспределение власти, получение новых прав и обязанностей в рамках борьбы за равноправие. Языковая реализация и репрезентация данного типа идеологем осуществляется посредством отдельных слов, составных наименований и/или словосочетаний (например, male, female, African-American и т.д.). Полиреферентные идеологемы представляют собой единицы, служащие средством апелляции как к идеологии с традиционным распределением власти, прав и обязанностей социальных групп, так и к формирующейся идеологии, в качестве агентов которой выступают социальные группы, стремящиеся изменить занимаемое ими место в социальной

иерархии. Они могут быть репрезентированы составным наименованием (например, *black male*, *African-American woman* и т.д.).

Как представляется, особенность интерпретации всех типов идеологем исходит из того, что их репрезентация в публицистическом дискурсе находится в динамике, а не в статике. Согласно мнению ряда исследователей, репрезентация тесно связана с понятием знака. Знак или репрезентант есть нечто, что замещает для кого-либо что-либо в некотором отношении или качестве. Он обращается к кому-либо, то есть создает в уме этого человека эквивалентный или, возможно, более развернутый знак. Знак замещает нечто, свой объект, но при этом он связан с референтом только посредством конвенций, принятых сообществом носителей языка [Деррида, 2000; Лосев, 1982: 34-59; Степанов, 1998: 239; Шаумян, 2001: 149-165; Peirce, 1960: 71].

Предположительно языковая репрезентация идеологий не может рассматриваться статично как знак или репрезентант социального объекта, а именно человека, с точки зрения таких определенных антропоцентрических характеристик, как гендерная, расовая, национальная и т.д. принадлежность, для оценки его значимости в контексте социальной действительности. Идеологемы, взятые вне контекста, позволяют осуществлять интерпретацию их прагматического потенциала, по-видимому, только в рамках сформированных социальных стереотипов, зачастую не дающих информации о современно адекватной стратификации общества. Не следует игнорировать тот факт, что «языковой знак меняет свою сущность в зависимости от угла зрения. При выражении мысли в речи один и тот же денотат может получить различное языковое обозначение. Иными словами, всякий знак получает максимальную значимость только в контексте и, соответственно, может иметь огромное количество значений и/или оттенков значений в зависимости от контекста» [Гак, 1971: 79].

По нашему мнению, этот фактор является доминирующим при анализе языковой репрезентации идеологем. Кроме того, на данный процесс активно воздействуют такие идеологические механизмы, как контекстуальная корректировка и численное доминирование, подчеркивая, что репрезентацию целесообразно рассматривать как процесс, а не статичное явление отражения социальной действительности [Каменева, 2006: 65-78]. Иными словами, мы являемся сторонниками трактовки репрезентации как «активного процесса отбора и представления, структурирования и формирования» [Byars, 1991: 69; Hall, 1997: 13-74; Spivak, 1988: 70]. Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе, смысл рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов [Залевская, 1995: 98; Харитончик, 1992: 100; Hall, 1997: 13-74].

Представляется, что определенные антропоцентрические характеристики человека как объекты репрезентации не имеют ярко выраженного негативного или позитивного оттенка до процесса репрезентации. Именно в процессе кодирования публицистического дискурса идеологемы «традиции», «новой формации» и полиреферентные идеологемы отбираются, структурируются, наделяются определенным смыслом и оценочным значением те или иные антропоцентрические параметры, воздействуя на социальные установки в обществе по отношению к тем или иным социальным группам. Это, в свою очередь, может приводить к структурированию шкалы оценки человека как представителя той или иной социальной группы в обществе при помощи идеологем.

Так процесс репрезентации единиц идеологий можно рассматривать как целенаправленный отбор, структурирование и представление социального контекста как аудиовизуальными, так и языковыми средствами, в ходе которого происходит закрепление определенных коннотативных признаков за языковыми репрезентациями идеологем, и человек и/или его социальная группа как репрезентируемые объекты получают определенную оценку.

Не вызывает возражений утверждение о зависимости процесса интерпретации речевых сообщений от социального контекста, макроконтраста [Булыгина, Шмелев, 1994: 49; Водак, 1997: 74; Гришаева, 1996: 23-24; Киселева, 1978: 6; Найденов, 2000: 9; Почепцов, 1981: 268-269; Brown, 1980: 36; Brown, Yule, 1983: 25; Searle, 1983: 165; Trudgill, 1974: 100]. По-видимому, при анализе и интерпретации идеологем невозможно обойтись без учета макроконтраста, что обусловлено самой спецификой идеологий, заключающейся в их прямой зависимости от внеязыковой реальности, то есть политического, экономического и социального контекста.

Не следует игнорировать тот факт, что особенности публицистического дискурса позволяют нивелировать, свести к минимуму влияние тезауруса интерпретатора на процесс интерпретации

речевых сообщений [Третьякова, 1998: 3-4]. Это, как представляется, равносильно и для процесса интерпретации идеологием в публицистическом дискурсе.

При интерпретации идеологием важно учитывать помимо указанных факторов и речевые акты, в контексте которых репрезентируются те или иные идеологемы. По-видимому, речевые акты как единицы речевого воздействия могут выступать своего рода регуляторами того, как адресаты речевого сообщения воспримут и проинтерпретируют информацию, репрезентированную дискурсом в целом и публицистическим дискурсом, в частности. Предположительно речевые акты могут рассматриваться как своего рода индикаторы того, как власть, правящая группа направляет и оформляет восприятие и трактовку идеологием «традиции», «новой формации» и полиреферентных идеологием. По-видимому, в публицистическом дискурсе речевые акты выступают в роли контекста, в котором функционируют идеологемы и который обуславливает их функционирование в нем.

Классически речевой акт рассматривается большинством исследователей с точки зрения его функционирования как минимальной единицы речевого сообщения, которая может осуществлять различные прагматические функции [Колшанский, 1984: 149; Остин, 1986; Почепцов, 1981: 271; Серль, 1986: 151; Сидоров, 1989: 17; Слюсарева, 1981: 22-23; Смирницкий, 1957: 8; Юганов, 1989: 146]. Иными словами, в рамках классической теории речевых актов речевой акт исследуется как минимальная единица речевого сообщения, которая может осуществлять различные прагматические функции в зависимости от той или иной иллокутивной силы. Под иллокутивной силой понимается составная часть общего значения высказывания, которая квалифицирует пропозициональное содержание, репрезентируя его в речевом акте в соответствии с интенцией говорящего [Grice, 1957]. Данная классическая традиция подхода к исследованию речевых актов в большей мере сконцентрирована на тщательном изучении их сущности [Остин, 1986; Серль, 1986], функций [Почепцов, 1981; Слюсарева, 1981; Смирницкий, 1957; Grice, 1957], контекстов их осуществления [Колшанский, 1984; Halliday, 1973].

Предположительно, идеологическая парадигма исследований роли публицистического дискурса в структурировании социальной действительности в общем и социального статуса групп в иерархической системе общества, в частности, предоставляет возможность обращения к речевым актам с точки зрения их функционирования в дискурсе и их роли в структурировании дискурса.

Представляется, что речевые акты в публицистическом дискурсе образуют некое полотно, сетку, сквозь которую идет «просеивание» всей содержащейся информации и ее интерпретация. Вероятно, речевые акты, представляя некий идеологический контекст, выступают в качестве регуляторов восприятия всей информации, подаваемой публицистическим дискурсом о роли, правах и обязанностях тех или иных социальных групп посредством влияния на восприятие идеологием «традиции», «новой формации», полиреферентных идеологием. Данный угол исследования позволяет проследить процесс влияния речевых актов на социальный статус человека в социальной иерархии подчинения и доминирования.

Существует большое разнообразие речевых актов с точки зрения их функциональной направленности, что обусловлено тем, что «каждое общество в ходе исторического развития выработало различные формы межличностного речевого общения для обеспечения соответствующих социальных потребностей» [Почепцов, 1981: 270] и такое же разнообразие их классификаций [Остин, 1986: 119; Fraser, 1975: 192-193; Leech, 1983: 211-212; Searle, 1976: 181-187; Searle, Vanderveken, 1985: 12-20; Wunderlich, 1976: 417]. В основе таксономий лежат такие признаки, как интенсивность иллокутивной цели, способ достижения, условия пропозиционального содержания, предварительные условия, условия искренности и интенсивность условий искренности.

Итак, подобный угол исследования может предоставить возможность рассматривать функции речевых актов во взаимосвязи с такой функцией публицистического дискурса, как социальное воспроизводство, и устанавливать возможный характер влияния речевых актов на процессы репрезентации и восприятия идеологием и, как следствие, на социальный статус групп и их представителей в рамках доминирования одной группы и подчинения остальных.

Таким образом, к основным факторам, влияющим на процесс восприятия и интерпретации языковой репрезентации единиц идеологии в публицистическом дискурсе, можно отнести: динамику процесса репрезентации идеологием, речевые акты, социальный и, собственно, лингвистический контексты.

Литература

1. Булыгина Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий: [материалы конф.] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М., 1994. – С. 49-59.
2. Васильев Л. Г. Текст и его понимание: учеб. пособие / Л. Г. Васильев. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – 68 [1] с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Рут Водак; пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
4. Гак В. Г. Семантическая структура слова: психолингвистические исследования / В. Г. Гак; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1971. – 216 [1] с.
5. Гришасва Л. И. Система ценностей, рефлектируемая в тексте, как основа воздействия текста на адресата / Л. И. Гришасва // Актуальные проблемы прагматической лингвистики: тез. докл. науч. конф. / [отв. ред. Л. И. Гришасва и др.]. – Воронеж, 1996. – С. 23-24.
6. Деррида Ж. О грамматологии / Жак Деррида; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
7. Залевская А. А. Психолингвистическое портретирование лексики. Опыт экспериментального исследования / А. А. Залевская // Актуальные проблемы психолингвистики. Слово и текст / отв. ред. А. А. Залевская; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1995. – С. 38-46.
8. Каменева В. А. Инструменты власти или механизмы властных/идеологических технологий / В. А. Каменева // Современные лингвистические теории: проблемы слова, предложения, текста: Вестник ИГЛУ. Сер. Лингвистика / под ред. проф. М. В. Малинович. – Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. – № 5. – С. 65-78.
9. Киселева Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 158 с.
10. Кобозева И. М. Интерпретирующие речевые акты / И. М. Кобозева, Н. И. Лауфер // Логический анализ языка. Язык речевых действий: [материалы конф.] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. – М., 1994. – С. 63-71.
11. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский; отв. ред. Т. В. Булыгина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.
12. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 480 с.
13. Найденов О. Ю. Прагматические аспекты оптимизации речевого воздействия печатных средств массовой коммуникации: (на материале торговой рекламы в российских печатных изданиях): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Олег Юрьевич Найденов; [Воен. ун-т]. – М., 2000. – 19 с.
14. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. Теория речевых актов. – С. 22-130.
15. Почепцов Г. Г. Прагматика предложения / Г. Г. Почепцов, И. П. Иванова, В. В. Бурлакова // Теоретическая грамматика современного английского языка: [учебник]. – М., 1981. – С. 267-281.
16. Серль Дж. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 18. Логический анализ естественного языка. – С. 242-263.
17. Сидоров Е. В. Личностный аспект речевой коммуникации и текста / Е. В. Сидоров // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1989. – С. 16-25.
18. Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н. А. Слюсарева. – М.: Наука, 1981. – 206 с.
19. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий; отв. ред. В. В. Пассек. – М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1957. – 286 с.
20. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 779 с.
21. Третьякова Т. П. Функциональная семантика и проблема речевого стереотипа: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Татьяна Петровна Третьякова; [Санкт-Петерб. гос. ун-т]. – СПб., 1998. – 38 с.
22. Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка / З. А. Харитончик // Язык и структуры представлений знаний: сб. науч.-аналит. обзоров. – М., 1992. – С. 98-123.
23. Шаумян С. О понятии языкового знака / С. Шаумян // Язык и культура. Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. – М., 2001. – С. 149-165.
24. Юганов В. И. Роль иллюкутивных индикаторов в интерпретации текста / В. И. Юганов // Личностные аспекты языкового общения: межвуз. сб. науч. тр. / Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1989. – С. 145-150.
25. Brown G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1983. – 288 p.
26. Brown P. How and why are women more polite: some evidence from a Malayan community / P. Brown // Women and language in literature and society / in S. McConnell-Ginet, R. Borker, N. Furman (eds.). – New York, 1980. – P. 23-89.
27. Byars J. All that Hollywood allows: re-reading gender in 1950-s melodrama / J. Byars. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. – 326 p.
28. Fraser B. Hedged performatives / B. Fraser // The Syntax and Semantics. – New York, 1975. – Vol. 3. – P. 187-210.
29. Grice H. P. Meaning / H. P. Grice // Philosophical Review. – Ithaca [N. Y.], etc., 1957. – Vol. 66. – P. 37-377.
30. Hall S. Representation: cultural representations and signifying practices / S. Hall. – London; Thousand Oaks [Calif.]: Sage in association with The Open University, 1997. – 400 [8] p.
31. Halliday M. A. K. Explorations in the functions of language [by] M. A. K. Halliday / M. A. K. Halliday. – London: Edward Arnold, 1973. – 143 p.
32. Leech G. N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. – London: Longman, 1983. – 250 p.
33. Peirce C. S. Collected Papers / C. S. Peirce; in C. Hartshorne, P. Weiss (eds.). – Cambridge: Belknap Press of Harvard University, 1960. – 8 v.
34. Searle J. R. A classification of illocutionary acts / J. R. Searle // Language in Society. – Cambridge [England]; New York, 1976. – 15. – P. 1-23.

35. Searle J. R. Foundations of illocutionary logic / J. R. Searle, D. Vanderveken. – Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1985. – 227 p.
36. Searle J. R. Intentionality: an essay in the philosophy of mind / J. R. Searle. – Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1983. – 278 p.
37. Spivak G. C. In other worlds: essay in cultural politics / G. C. Spivak. – New York: Routledge, 1988. – 309 p.
38. Trudgil P. The Social Differentiation of English in Norwich / P. Trudgil. – London: CUP, 1974. – 98 p.
39. Wunderlich D. Studien zur Sprechaktheorie / D. Wunderlich. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1976. – 416 p.

В.А. Каменева
г. Кемерово

**Репрезентация женской гендерной группы в публицистическом дискурсе.
Лингвистический аспект воспроизводства власти или процесс закрепления стереотипов**

The linguistic aspect of the social power is viewed and analyzed in the article. The language is shown as a power means that helps the dominant social group to mythologize the reality, reinforce the social stereotypes and maintain the social conventions towards female gender group.

Предположительно идеологемы «традиции», позволяющие воспроизводить и поддерживать идеологию «традиции» с четкой расстановкой в социальной иерархии всех социальных групп, приводят в действие сформировавшиеся, устоявшиеся стереотипы, отражающие предвзятое мнение о непривилегированных социальных группах, в том числе и женской гендерной группе.

С когнитивной точки зрения стереотип представляет собой ментальное образование, в котором фиксируется оценочное отношение как к своей социальной группе, так и к другим группам. Данный образ стандартизирован, устойчив и эмоционально насыщен [Филинский, 2002: 171]. Он работает как когнитивная категория (схема), автоматизированное средство, социальный феномен при восприятии социальных групп, регулируя поступающую информацию и защищая сознание от перегрузок. Иными словами, стереотип можно интерпретировать как шаблон, форму обработки информации, состояния знаний, своеобразную «сетку», которую человек накладывает на мир в процессе получения информации о социальном контексте и которая регулирует и обуславливает процесс восприятия и интерпретации поступающей информации о событиях и людях [Байбурин, 1985; Кирилина, 1999; Маслова, 1990; Тер-Минасова, 2000; Fowler, 1991]. Категоризацию поступающей информации с помощью социальных стереотипов следует рассматривать в качестве одной из характерных черт человеческого мышления, которая дает возможность обрабатывать большое количество информации и ориентироваться в окружающем мире [Будагов, 2001; Fowler, 1991; Hudson, 1996; Labov, 1991; Lakoff, 1987; Quasthoff, 1989].

Разделяем мнение о том, что не только такие антропоцентрические параметры, как расовая принадлежность, состояние здоровья и социальный статус [Берн, 2001; Бурыковская, 2000; Andre, 1988], приводят в действие нужные схемы и дальнейшая обработка информации об отдельных членах той или иной группы идет под управлением этих схем, но и гендерная принадлежность может рассматриваться как одна из доминирующих отличительных особенностей, по которой идет категоризация и оценка человека в обществе.

При исследовании стереотипов, их характеристик и функций следует учитывать тот факт, что они приводятся в действие единицами языка. Акцент необходимо делать на том, что единицы языка актуализируют и формируют те или иные социальные стереотипы в зависимости от интересов (идеологий) тех или иных социальных групп. При этом язык выступает в роли инструмента власти. «Язык и власть, а точнее язык и борьба за власть всегда тесно взаимодействуют» [Беркнер, 2001: 85; Гудков, 2003: 75]. Игнорирование функции языка создавать и мифологизировать социальную реальность и факта неравного доступа социальных групп к символическим средствам, а значит и неравных возможностей влиять на лингвистический аспект воспроизводства власти, приводит к имплицированию «обоснованности» устоявшихся социальных стереотипов. Не следует недооценивать утверждение о том, что язык определяет не только, как мы видим мир, но и как мы существуем, кто мы есть [Деррида, 2000; Лакан, 1997; Фуко, 1996]. «Не только социальный порядок влияет на язык, но и сам язык оказывает обратное влияние. Влияние языка на социальный порядок проявляется и в том, что именно язык способствует це-